

Иван Лажечников

Собрание сочинений

Том 3, 4. Ледяной дом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л16

Л16 **Лажечников И.И.**
Собрание сочинений: Том 3, 4. Ледяной дом / Иван Лажечников – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 629 с.

ISBN 978-5-518-09426-0

ISBN 978-5-518-09426-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СМОТРЪ.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарядчій, состояній!
Путешествъ.

Поинкъ задумчивой главой.
Шора весны его, съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни в пиры, и пламенные ночи,
Все вѣстѣ ожило; и сердце повеслось
Далече....

Окъ жж.

- Боже мой! Что за шумъ, что за веселье на дворѣ у кабинетъ-министра и оберъ-егермейстера Волынскаго? Бывало, при блаженной памяти Петръ Великомъ не сдѣлали бы такого вопроса, потому что веселье не считалось диковин-

кой. Грозенъ былъ царь только для порока, да и то зла долго не помнилъ. Тогда при дворѣ и въ народѣ тѣшились безъ оглядки. А нынѣ, хоть мы только и въ четвертомъ днѣ святокъ (замѣтите, 1739 года), нынѣ весь Петербургъ молчитъ тишиною келіи, гдѣ осужденный на затворничество читаетъ и молитвы свои шопотомъ. Послѣ того, какъ не спросить, что за разгулье въ одномъ домѣ Волинскаго?

Только-что умолкли языки въ колоколахъ, возвѣстившіе конецъ обѣдни, все богомольцы, поодиначкѣ, много по-двое, идутъ домой, молча, поникнувъ головою. Разговаривать на улицахъ не смѣютъ: сейчасъ налетитъ подслушникъ, переведетъ бесѣду по своему, прибавитъ, убавитъ, и, того гляди, собесѣдники отправляются въ полицію, оттуда и подалѣ, соболей ловить, или въ школу заплечнаго мастера. Вотъ, сказали мы, идетъ народъ домой изъ церквей, грустный, скучный, какъ съ похоронъ; а въ одномъ углу Петербурга тѣшатся себѣ на распашку и шумятъ до того, что въ ушахъ трещить. Вскипаетъ и переливается пестрая толпа на дворѣ. Какихъ одеждъ и нарѣчій тутъ нѣтъ? Конечно, все народы, обитающіе въ Россіи, прислали сюда по четѣ своихъ представителей. Чу! да вотъ и бѣлорусецъ усердно

надуваешь волынку, жидь смычкомъ разогрѣваетъ цимбалы, казакъ пощипываетъ кобзу: вотъ и пляшутъ и поютъ, не смотря, что морозъ захватываетъ дыханіе и костенитъ пальцы. Ужасный медвѣдь, ходя на привязи кругомъ столба и роя снѣгъ отъ досады, ревомъ своимъ вторитъ музыкантамъ. Настоящій шабашъ сатаны!

Православные, идущіе мимо этой бѣсовской потѣхи, плюньте и перекреститесь! Но мы, грѣшные, войдемъ на дворъ къ Волынскому, продеремся сквозь толпу и узнаемъ въ самомъ домѣ причину такого разгульнаго смѣшенія языковъ.

Мордвы! чухонцы! татары, камчадалы! и такъ далѣе... выкликаетъ изъ толпы по четѣ представителей народныхъ великій, превеликій, или, лучше сказать, превысокій кто-то. Тотъ кто-то, котораго за ростъ можно бы показывать на масляницѣ въ балаганѣ, гайдукъ его превосходительства. Онъ помѣстился въ сѣняхъ, танцуя невольномъ подъ щипокъ мороза и частенько надувая себѣ въ пальцы пѣсню проклятія всѣмъ барскимъ затѣямъ. Голосъ великана подобенъ звуку морской трубы; на зовъ его съ трепетомъ является по порядку требуемая чета. Долой съ нея овчинные тулупы, и національность показывается во всей

красотѣ своей. Тутъ, неслишкомъ учтиво, оттираетъ онъ сукномъ рукава своего иному, или иной, побѣлѣвшую отъ мороза щоку, или носъ, и, отряхнувъ каждаго, сдаетъ двумъ скороходамъ. Эти ожидаютъ своихъ жертвъ на первой ступени лѣстницы, приставивъ серебряныя булавы свои къ каменнымъ, узорочнымъ периламъ. Легкіе, какъ Меркурій, они подхватываютъ чету и съ нею—то мчатся вверхъ по лѣстницѣ, такъ что едва можно успѣть за красивымъ папашемъ, вѣющимъ на ихъ головѣ, и за лоснящимся отливомъ ихъ шелковыхъ чулокъ, то пинками указываютъ дорогу неуклюжимъ воспріемышамъ своимъ. Говоря о скороходахъ, не могу не вспомнить словъ моей няньки, которая нѣкогда, при разсказѣ о золотой старинѣ, изъявляла сожалѣніе, что мода на бѣгуновъ-людей замѣнилась модою на рысаковъ и иноходцевъ. — «Подлинно чудо были эти скороходы—говорила старушка—не знали одычки, отъ того—де, что легкія у нихъ вытравлены были зелями. А одежда, одежда, мое дитятко, вся, какъ жаръ горѣла; на головѣ шапочка, золотомъ шитая, словно съ крыльями; въ рукѣ волшебная тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ: махнетъ ею разъ, другой, и версты не бывало!» — Но я съ старушкою заговорился. Возвратимся въ верхнія

сѣни Волынскаго. Здѣсь *маршалокъ* *) разсматриваетъ чету, какъ близорукій мелкую печать, оправляетъ ее, двумя пальцами легонько снимаетъ съ нея пушокъ, снѣжинку, однимъ словомъ, все, что лишнее въ барскихъ палатахъ, и наконецъ провозглашаетъ ставленниковъ изъ разныхъ народовъ. Дверь на-стежь, и возгласъ его повторяется въ передней. Боже мой! опять смотрь. Да будетъ ли конецъ? Сейчасъ. Вотъ кастелянъ и кастелянша, оглядѣвъ на бѣло пару и объяснивъ ей словами и движеніями, что она должна дѣлать, ведетъ ее въ ближнюю комнату. Фаланга слугъ, напудренная, въ ливрейныхъ кафтанахъ, въ шолоковыхъ полосатыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ огромными пряжками, даетъ ей мѣсто. И вотъ бѣдная чета, волшебнымъ жезломъ могучей прихоти перенесенная изъ глуши Россіи отъ боговъ и семейства своего, изъ хаты или юрты, въ Петербургъ, въ кругъ полутора ста паръ, изъ которыхъ нѣтъ одной, совершенно похожей на другую одежду и едва ли языкомъ; перенесенная въ новый міръ черезъ разные роды мытарствъ, не зная, для чего все это дѣлается, засученная, обезумленная, является наконецъ въ залѣ вельможи передъ судъ его.

*) Дворецкій.

Пара входитъ на лѣстницу, другая пара опускается, и въ этомъ беспрестанномъ приливѣ и отливѣ рѣдкая волна, вставъ упрямо на дыбы, противится на мигъ силѣ вѣтра, ее стремящей; въ этомъ стадѣ, которое гонить бичъ прихоти, рѣдко кто обнаруживаетъ въ себѣ человѣка.

Было бѣ чему и нашимъ современникамъ подивиться въ залѣ вельможи! Глубокія окна, наподобіе камеръ-обскуры, обдѣланныя затѣйливыми барельефами разныхъ цвѣтовъ, колонны по стѣнамъ, увитыя виноградными кистями, огромныя печи изъ пестрыхъ изразцовъ, съ китайскою живописью и столбиками, съ вазами, съ фарфоровыми пастушками, похожими на маркизовъ, и маркизами, похожими на пастушковъ, съ китайскими куклами, узорочные выводы штукатуркою на потолкѣ и посреди его огромныя стеклянныя люстры, въ которыхъ грань разыгрывается необыкновеннымъ блескомъ: на все это и намъ можно бы любоваться. Бѣдные дикари не знаютъ, гдѣ стать, чтобы не ступить на собственную фигуру, отражающуюся въ налощонномъ штучномъ полу. Смѣшно видѣть, какъ и наши простодушные предки, входя въ залу вельможи, принимаютъ картины въ золотыхъ рамахъ за иконы и творять предъ ними набожно крестныя знаменія.

Посреди залы, въ богатыхъ креслахъ, сидитъ статный мужчина, привлекательной наружности, въ шолковомъ свѣтло-фіолетовомъ кафтанѣ французскаго покроя. Это хозяинъ дома, Артемій Петровичъ Волинскій. Онъ слыветъ при дворѣ и въ народѣ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ. По наружности можно дать ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ, хотя онъ гораздо старѣе. Огонь черныхъ глазъ его имѣетъ такую силу, что тотъ, на комъ онъ ихъ останавливаетъ, невольно потупляетъ свои. Даже замужнія, бойкія женщины приходятъ отъ нихъ въ смущеніе; пригожимъ дѣвкамъ мамки, отпуская ихъ съ крестнымъ знаменіемъ на куртаги, строго наказываютъ беречься, пуще огня, глаза Волинскаго, отъ котораго, говорятъ онѣ, погибла не одна ихъ сестра.

Изъ-за высокой спинки кресель видна черная, лоснящаяся голова, обвитая бѣло-снѣжною чалмою, какъ будто для того, чтобы придать еще болѣе достоинства ея рѣдкой чернотѣ. Можно бы почестъ ее за голову куклы, такъ она неподвижна, если бы въ фізіономіи араба не выливалась душа возвышенно-добрая и глаза не блистали то негодованіемъ, то жалостью, при видѣ страданій или неволи ближняго.

Въ нѣсколькахъ шагахъ отъ Волинскаго, по

правую его сторону, сидитъ за письменнымъ столомъ человекъ, котораго всего можно бы спря- тать въ медвѣжью муфту. Лицо его въ кулакъ стянуто, какъ у старой обезьяны; на немъ видно и лукавство этого рода животныхъ. Онъ ужимистъ въ своихъ движеніяхъ, уступчивъ или увертливъ въ рѣчахъ; глаза и уши его всегда на стражѣ. Ни одна исправная гауптвахта не успѣваетъ такъ скоро отдавать честь, какъ онъ готовъ на все отвѣты. Эта маленькая каракулька, учоная, мудре- ная и уродливая, какъ гіероглифъ, секретарь ка- бинетъ—министра, Зуда. Онъ записываетъ имена и прозванія лицъ, являющихся на смотръ, замѣ- чанія, долетающія къ нему съ высоты кресель и собственные свои. Чего Волынской не договари- ваетъ, то онъ дополняетъ.

Въ отдаленіи, почти у двери передней, стоитъ молодой человекъ. По одеждѣ онъ не солдатъ, не офицеръ, хотя и въ мундирѣ; наружность его, пошлую, оклейменную съ ногъ до головы штем- пелями низжайшаго раба, вы не согласились бы взять за все богатства міра. Чего въ ней нѣтъ? И глупость, и развратъ, и низость. Одинъ сви- цовый носъ, достаточный изъяснитель подвиговъ, совершенныхъ его обладателемъ, и указатель пу- ти, по коему онъ идетъ. Это Ферапонтъ Подач-

чинъ, вольноотпущенный Волынскаго и въ должности пристава. Ему-то поручено было доставить въ Петербургъ изъ Твери сто разноплеменныхъ паръ, собранныхъ тамъ съ разныхъ мѣстъ Россіи, — доставить живьемъ и не запятанныхъ морозомъ. По какой же *протекціи* получилъ онъ столь важный *постъ*? Мать его *барская барыня* въ домѣ кабинетъ-министра. Она спала, и видѣла, чтобы произвести своего сына въ офицеры, то есть въ такіе люди, которые могутъ имѣть *своихъ* людей: высшая степень честолюбія подобнаго класса и образованія женщины! Волынской, хотя человекъ умный и благородный, имѣлъ слабость не отказать въ просьбѣ Подачкиной, помня старыя заслуги мужа ея, бывшего его дядьки: за исправное, честное и усердное исполненіе порученнаго Ферапонтѣ дѣла обѣщанъ ему первый офицерскій чинъ. А тамъ, кто вѣдаетъ, на какую высоту полѣзъ бы онъ, открывъ себѣ ключомъ 14 класса врата въ капище почестей! Надо замѣтить, что въ тогдашнее время не нуждались въ аттестатѣ на чинъ коллежскаго ассессора, — о, охъ! этотъ уже аттестатъ! И вотъ Ферапонтъ, по батюшкѣ Авксентіевичъ, близокъ уже къ своей цѣли. Еще одинъ шагъ, одно барское спасибо — и новое ваше благородіе въ Россіи. Участь его должна

рѣшиться на сегодняшнемъ смотру: или дворянское достоинство, или палки на спину. Онъ теперь необыкновенно низко повѣсилъ голову — признакъ, что духъ его встревоженъ и онъ ожидаетъ невзгоды за какую—либо неудачу или промахъ.

Сравните бѣлое лицо кандидата въ благородія и черное лицо невольника: кажется, они помѣнялись своими назначеніями. Гдѣ жъ маменька ужаснаго честолюбца? — Видите ли направо, у дверей буфета, эту пиковую даму, эту мушю, повязанную темно—коричневымъ платочкомъ, въ кофтѣ и исподницѣ такого же цвѣта! Она неподвижна своимъ туловищемъ, вытянутымъ, какъ жердь, хотя голова ея трясется, вѣроятно, отъ употребленія въ давнопрошедшія времена сильнаго притиранія; морщиноватыя кисти рукъ ея, убѣжавшія на четверть отъ рукавовъ, сложены крестообразно, какъ у покойника; вѣками она безпрестанно хлопаетъ и мигаетъ, и если ихъ останавливаетъ, то для того, чтобы взглянуть на свое созданіе, на свое сокровище, на свою славу. Прошу хорошенько замѣтить: это она, дрожайшая родительница драгоценнаго дитятки.

Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отчеству Анулина Савишна) *барская барыня*.